

УДК 811.161.1`33:801.81

ББК 81.2Рус-923

С – 30

Семененко Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Старооскольского филиала Белгородского государственного университета, тел. (4725)325611, e-mail: nsemenenko@yandex.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПАРЕМИЙ

Объектом предпринятого исследования является ряд особенностей внутренней формы паремий (пословиц, загадок, примет и поговорок) с позиций лингвокогнитивного подхода. В частности, предпринимается попытка описания особенностей когнитивной метафоры как механизма, способствующего реализации внутренней формы народных афоризмов. Результаты исследования актуальны для дальнейшего описания сложной природы паремий как дискурсивных образований с многоуровневой организацией смысловой структуры, особое место в которой занимает внутренняя форма паремического высказывания.

Ключевые слова: Паремия, внутренняя форма, метафорический концепт, когнитивная метафора, когнитивно-денотативная ситуация.

Semenenko Natalia Nicholaevna, Candidate of Philology, assistant professor of the Philology Department of Stary Oskol branch of Belgorod State University, tel. (4725) 325611, e-mail: nsemenenko@yandex.ru

THE ROLE OF COGNITIVE METAPHOR IN THE INTERNAL FORM OF PROVERBS

The object of research is a number of features of the inner forms of proverbs (proverbs, riddles, superstitions) from the linguistic and cognitive point of view. In particular, an attempt to describe the features of cognitive metaphor as a mechanism to facilitate the implementation of internal forms of folk sayings has been undertaken. Results of the study are relevant to further description of the complex nature of proverbs as a discursive formations with multiple levels of organization of semantic structure, a special place in which is an inner form paremic statements.

Keywords: proverbs, inner form, the metaphorical concept, cognitive metaphor, cognitive-denotative situation

Внутренняя форма паремий как один из аспектов, определяющих их сложную семантическую структуру, характеризуется рядом особенностей применительно к конкретной разновидности народных афоризмов, поскольку функциональные, структурные и семантические различия пословиц, поговорок, загадок и примет во многом связаны с мотивацией значения паремий соответствующего типа тем прообразом ситуации, который мы и определяем как внутреннюю форму паремии.

Актуальным для описания роли когнитивной метафоры в реализации внутренней формы паремии является тот факт, что современные лингвисты помимо номинативной или «изобразительно-выразительной» функции метафоры, отмечают также функции «экспрессивно-оценочную» и концептуальную [Вольф 1988:65]. По мере реализации оценочной функции «метафорический концепт» создает основу для оценочного переосмысления [Вольф 1988:56], а при выполнении концептуальной роли, метафора, как правило, обозначает непредметные сущности [Опарина 1988:66]. Последняя функция, на наш взгляд, играет исключительную роль в реализации олицетворяющей (опредмечивающей) метафоры. Само понятие концептуальной метафоры, вошедшее в лингвистический обиход благодаря трудам Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Перевозова 2002:202], позволяет рассматривать метафору как «перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно не наблюдаемое» [Кубрякова 1996:55].

При рассмотрении механизма когнитивной метафоры в контексте паремических текстов наиболее отчетливо видна взаимообусловленность внутренней формы паремий и когнитивно-денотативной ситуации (типизированная ситуация, выраженная в расстановке лексем, характеризующих денотаты, и соотносимая с определенной фреймовой структурой) обусловлена тем, что у большинства паремий основой внутренней формы является определенная ситуация - переосмысленная, как у загадок, рекомендательно-прогнозирующая, как у примет или обобщенная, типизированная, как у пословиц. При этом видовом своеобразии, внутренняя форма всех разновидностей паремий характеризуется высокой степенью прозрачности и тяготеет к реальной или метафорически выраженной мотивации. Набор денотатов, формирующих композиционную основу паремий, создает основу внутренней формы, которая реализует себя как вторичный по отношению к прототипической ситуации образ. В результате, выраженные в структуре паремий денотаты не составляют напрямую внутренней формы народного афоризма, а представляют собой ситуативную репрезентацию некоей когнитивной модели, особенности которой и влияют на полярность внутренней формы в ее направленности на мотивацию значения паремического знака.

Таким образом, пропозитивная структура паремий имеет несколько уровней: (1) уровень когнитивно-денотативной ситуации, которая лежит в основе композиции

высказывания и отбора лексических компонентов для формирования текста паремии; (2) уровень когнитивной модели, которая представляет собой взаимодействие ментальных единиц, порождающее те или иные когнитемы и является следствием осмысления денотативной картины, представленной ситуации; (3) уровень собственно внутренней формы как вторичного образа когнитивно-денотативной ситуации, возникающего под влиянием когниции. Например, в пословице *Злато не говорит, да много творит* на уровне когнитивно-денотативной ситуации обнаруживается антитетическая композиция, образованная денотатами лексем *говорить* и *творить* и денотатом лексемы *злато*, подвергающейся в тексте косвенной положительной оценке. Когнитивная модель паремии определяется репрезентируемыми концептами «Деньги» и «Действие», взаимодействие которых порождает когнитему «Действия, совершаемые деньгами». Реализация данной когнитемы может происходить в различных контекстах, выражающих конкретизируемые ситуации, в которых благодаря деньгам совершались значимые действия. Внутренняя форма, таким образом, основана на олицетворяющей метафоре, что ставит паремию в один тематический ряд с другими единицами, в тексте которых неодушевленная категория олицетворяется за счет приписываемых ей человеческих деяний, например, *Смех тридцать лет у ворот стоит, а свое возьмет, Любовь слепа, доведет до беды и пона, Лето родит, а не поле*.

Когнитивный потенциал внутренней формы паремий чрезвычайно высок, поскольку ее композиционная основа образуется лексемами, денотаты которых выражаются в языковой картине мира как номинации взаимосвязанных процессов, явлений, знаковых для культуры и личности событий. Лексические компоненты, которые используются в народных афоризмах, позволяют не только образно характеризовать действительность, но и реализовывать ту самую «многозначительную» иносказательность, которая столь характерна для фольклора.

Начиная с трудов А.А. Потебни, образность и «безобразность» семантической структуры паремии – один из важнейших критериев, учитываемых в классификации как самих видов паремий, так и их функционально-семантических разновидностей в пределах одного вида. В частности, образная семантическая структура, наряду с «безобразной» наблюдается у пословиц и примет, с то время как загадки, в своей основе, построены на основе метафорического переноса, приводящего к

перегруппировке сем внутри единого значения поговорки. Поговорка и вовсе является средством образной номинации.

Рассмотрим приведенное выше положение на примерах. В пословице *Богатство родителям – кара детям*, которая может трактоваться как «безобразная», отсутствует ярко выраженный подтекст, а определенная обобщенность значения обеспечена грамматическими особенностями высказывания без привлечения дополнительных «образных» ресурсов. Несколько иная ситуация наблюдается в высказываниях *Богатый бедному не брат*, *Кто не упивается вином, тот крепко бывает умом* и т.п. В приведенных пословицах отсутствуют очевидные метафорические образы, организующие композиционную структуру высказывания, но, вместе с тем, изначально образными являются компоненты *не брат* и *крепко умом*, представляющие собой фразеологические единицы, включенные в структуру народного афоризма. Иная картина предстает в пословицах, композиция которых имеет образную природу – *Голодный волк сильнее сильной собаки*, *Трудовая денежка плотно лежит, чужая – ребром торчит*, *От черной коровки да белое молочко*.

Кроме того, говоря о роли метафоры в тексте пословицы, нельзя не отметить и того факта, что иносказание как способ кодировки культурно значимой информации опирается на метафоры, традиционные для национального мировосприятия, определенно устойчивые и легко «читаемые» в контексте поговорки, в то время как в тексте загадок мы наблюдаем иную картину. Например, *Бежит конь вороной, много тащит за собой. (Чугунка)* – метафоризация ведущего образа паровоза (*чугунки*) основана на доминировании сем «черный цвет» и «передвигает, перемещает», которые собственно и ложатся в основу метафорического переноса *конь – чугунка*. Аналогичная картина наблюдается в загадке *Лежит брус на всю Русь, встанет – до неба достанет. (Дорога)*, где единое поговорочное значение образуется в условиях доминирования сем «длинная» и «прямая». Метафоричность предметов и действий, наблюдаемых в данной загадке, тем не менее не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Как отмечает С.Я. Сендерович, загадка может содержать и «буквальное описание, но оно предстает как метафорическое, прежде чем разгадывающий вспомнит или узнает разгадку» [Сендерович 2008: 52]. И в самом деле, дорога не может *встать* или *лечь*, а вот *брус* – вполне.

Следует отметить, что не всегда в основе иносказательных образов, возникающих как следствие реализации внутренней формы, лежит собственно метафора. Например, загадка: *Шел я лесом, нашел я древо; из этого древа выходят четыре дела: первое дело – слепому посвеченье, второе дело – нагому потешенье, третье дело – скрипячему поможенье, четвертое дело – хворому полегченье.* (*Лучина, веник, береста, сок*), - в данной паремии значение «береза, дающая лучину для освещения, веник для бани, бересту для хозяйственных нужд и сок для оздоровления» реализуется с ориентацией на внутреннюю форму высказывания, в которой закодирован образ многофункциональной сущности дерева. По сути дела, загадка состоит из четырех микротекстов, мини-загадок (*слепому посвеченье, нагому потешенье, скрипячему поможенье, хворому полегченье*), каждая из которых при условии прочтения ее значения дополняет определенной характеристикой родовой денотат паремии – *березу*. Метафорический перенос как механизм создания образов в этих микротекстах, своеобразных определениях-загадках, как таковой не участвует, а определенная образность придается номинации посредством своеобразной «максимализации» признака, положенного в основу определения-загадки: *слепой, нагой, скрипячий и хворый* – это адресаты предметов, означенных паремией, в их максимальном соответствии свойствам последних. Приведенный пример подтверждает высказанное С. Я. Сендеровичем наблюдение: «Загадка не столько предлагает метафору, сколько играет с метафорой, прибегая к различным степеням ускользания от прямой сопоставимости» [Сендерович 2008: 52].

Действительно, для загадки метафора нередко является своеобразным прецедентным толчком, когда фольклорные образы, традиционно трактуемые как метафорические, используются в тексте паремии. Номинация лица по ведущему функциональному признаку, активно использующаяся в выше рассмотренном примере (*слепой, нагой, скрипячий и хворый*), уже сама по себе носит иносказательный характер, поскольку именно в условиях доминирования периферийной семы часто даются подобные метафорические номинации, например, *Тысяча братьев одним поясом подпоясаны, на мать поставлены (Сноп)* (доминирует сема «одинаковые, похожие») или *На поляне, на кургане подрались дворяне; не видать ни костей, ни мастей. (Молотят)* (доминирует сема «исключительные») и т.п.

Примета как паремия, наиболее «серьезно» относящаяся к денотативной соотнесенности образов, казалось бы, и вовсе должна быть чужда метафоре. Внутренняя форма примет как образ исходной ситуации достаточно конкретна, что вполне соответствует функциональному назначению данной разновидности паремий. Действительно, основная задача примет – регламентировать практические действия человека, а не подвергать ситуацию морально-житейской (как у пословиц) или отвлеченно-образной (как у загадок) оценке. К вопросу об особенностях внутренней формы примет следует отметить, в первую очередь, буквальное ее прочтение – образность допускается только в использовании общеметафорических образов, например, *Звезда с хвостом* (комета) - к войне, *Ногти цветут* (на ногтях появляются белые пятна) – к обнове, к гостинцу. При этом, буквальная мотивация значения приметы ее компонентным составом соседствует с определенной лакунарностью пропозиционной структуры, а именно, когнитивно-денотативная основа значения характеризуется отсутствием аргумента, который позволил бы установить логическую связь между причиной и следствием, преподносимыми в пословице. Эти аргументы традиционно опускаются, поскольку изначально подразумевается, что примета – это вывод, правило, следующее из наблюдения за многочисленными однотипными ситуациями, и в этом, вне сомнения, обнаруживается семантическая близость приметы и пословицы.

Интересен и тот факт, что приметы-прогнозы с ярко выраженной причинно-следственной структурой способствуют некоторой метафоризации ключевого образа, например: *Белый бык снится к деньгам, наследству, выигрышу*. Частотная реализация приметы вполне может привести к определенному метафорическому соотнесению образов быка и удачи. Наиболее яркими примерами тому являются образы черной кошки (неудача), пустого ведра (опасность) или жемчуга (жизненные силы). Вместе с тем, подобное соотнесение базируется, в первую очередь, на традиционных, зачастую мифологических представлениях о мироустройстве, актуальных для национальной культуры, что подтверждает положение о том, что метафора – явление не только языковое, но и собственно когнитивное.

Когнитивная, или лингвокогнитивная (термин Н.Ф. Алефиренко), метафора выступает в роли средства языкового сознания, средства создания нового смыслового

содержания языкового знака, и зачастую это новое содержание представляет собой обобщающее отвлечение от конкретной когнитивно-денотативной ситуации, как в случае с пословицами и загадками. При этом, пословицы реализуют свой глубинный смысл умозаключения, а загадки – номинативный потенциал. Таким образом, метафоричность семантической структуры пословиц и загадок не сводится к заложенному в ней явному и скрытому сравнению - пословица изначально глубоко метафорична по своему происхождению. То, что А.А. Потебня назвал «сгущением мысли» [Потебня 1976: 520], а З.К. Тарланов определяет как предельную обобщенность значения [Тарланов 1999: 168], является специфической способностью паремий выражать посредством минимума языкового материала максимум смыслов, актуализирующихся в зависимости от потребности дискурса.

Таким образом, при попытке некоторого сопоставления особенностей внутренней формы паремий различного типа отмечается следующее: (1) если для пословицы метафора играет роль средства, формирующего, с одной стороны, когнитивно-денотативный план пословицы, а с другой, отвлеченное от него обобщенное значение [Семененко, Шипицына 2005:61], то (2) для загадки метафора – это единственное связующее звено между внутренней формой и выражаемым смыслом, поскольку, как уже отмечалось ранее, сами процессы, формирующие единое значение загадки, основываются на актуализации периферийных сем, актуальных для метафорического переноса. Например, *Кругленько, беленько, всему свету миленько (Деньга)* – единое значение загадки формируется за счет актуализации периферийных сем, базовых для метафорического переноса по признаку внешнего сходства и схожести в эмоциональной оценке денотата. (3) Для примет использование метафорического переноса в тексте, с одной стороны, признак переходного статуса и сближения по признаку обобщенного значения с пословицами, например, *Свинье только рыло просунуть, и вся пролезет*; а с другой стороны - свидетельство выполнения паремией образно-речевой функции, что сближает ее с поговорками и причитаниями: *Шелкова трава заплетает след – знать, моего милого в живых нет*. (4) Поговорки же, используют метафору не только для реализации оценочной и эмотивной речевых функции, но и для выражения своего, собственно фразеологического значения: *Руки коротки, Прописать березовую припарку*,

Помалкивай в тряпочку. При этом следует отметить, что именно для поговорок более продуктивным оказывается такой способ выражения метафорического переноса, как простое сравнение (*Говорит, будто воз тащит, Говорит, будто три для не ел*), или метонимический перенос: *Заруби деревом на железе, Дать волю языку, Развязать руки.*

Следует отметить и особую роль, которую играют в реализации внутренней формы паремий метафорические концепты. Последние формируются в условиях различных дискурсов, одним из их источников является, вне сомнения, и паремиологический фонд языка. Так, в процессе анализа некоторых тематических групп, представленных в сборнике В.И. Даля, выявляются концепты «Совесть – Наказание», «Надежда – Спасение», «Время – Залог успеха» и т.д. Но подобная «глобальная» метафоризация образа в любом случае является следствием реализации внутренней формы пословиц, дающей своеобразный толчок к дальнейшей метафорической интерпретации денотатов. Приметы и загадки в меньшей степени «склонны» к образованию метафорических концептов, поскольку в них в меньшей степени выражена собственно афористичность, тесно связанная с доминированием функции нравоучения. Тем не менее, теория метафорической концептуализации вполне приложима к паремиологическому фонду языка в целом, поскольку в нем чрезвычайно высока степень взаимосвязанности образов и сюжетов, что соответствует представлениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона о метафорических концептах как элементах «системы субкатегоризации» [Лакофф, Джонсон 2008: 30].

Таким образом, когнитивная метафора выполняет различные функции в текстах разных видов паремий, но при этом остается одним из ведущих когнитивных механизмов формирования новых значений для таких разновидностей народных афоризмов, как пословицы, приметы и загадки. Проблемы описания внутренней формы паремий и особенностей метафорической концептуализации, наблюдаемой в текстах пословиц, загадок и примет, сопряжены с рядом спорных вопросов паремической семантики, что позволяет рассматривать их в широком дискуссионном русле и аспекте связи с основными проблемами паремической типологии.

Литература:

1. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52-65.
2. Даль В.И. Русский народ. Пословицы, загадки, сказки / В.И. Даль, Д.Н. Садовников, А.Н. Афанасьев. – М.: ОЛМА, 2007. – 384 с.
3. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: Сюита, 1996. – 544 с.
4. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов.-М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.
5. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ОЛМА, 2010. – 1024 с.
6. Никитина Т.Г. Большой словарь примет: ок. 15000 единиц / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 687 с.
7. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-78.
8. Перезовова Ю.В. Метафорический перенос как способ терминообразования в английском языке // Композиционная семантика: материалы третьей Междунар. shk.-семинара по когнитивной лингвистике: в 2 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. Ч. I. -С. 200-203.
9. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. -М.: Искусство, 1976. – 614 с.
10. Семенов Н.Н. Русская пословица: функции, семантика, системность / Н.Н. Семенов, Г.М. Шипицына. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.
11. Сендерович С.Я. Морфология загадки / С.Я. Сендерович. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 208 с.
12. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ, 1999. – 448 с.